

НИЧЕГО НЕ БОЯТЬСЯ И МЕЧТАТЬ ПО-КРУПНОМУ

ОТ ПРЕМИИ «САМЫЙ СТИЛЬНЫЙ АДВОКАТ» ДО ТИТУЛА «НАРОДНАЯ МИССИС РОССИЯ». **ИРИНА КАЛИНИНА** РАССКАЗАЛА «СОБАКА.RU» О ТОМ, КАК ПРОХОДИЛ КОНКУРС «МИССИС РОССИЯ МИРА-2023»

Два года назад вы, наверное, не могли себе представить, к чему приведет то самое «а почему бы и нет?» касаясь участия в первом конкурсе красоты. Сколько уже побед на вашем счету?

За последние два года добавились четыре короны: первая Вице-Миссис России проекта Smartqueen, первая Вице-Миссис Юга России 2022, Миссис Дубай 2022, Народная Миссис Россия 2023. Победа в последнем конкурсе дает право представлять нашу страну на международной арене. Конкурс «Миссис Вселенная» имеет разные интерпретации, которые проводятся в Сингапуре, Филиппинах, Дубае. Так, в декабре 2023 года я поеду в Соединенные Штаты Америки на конкурс «Миссис Мира», где и представлю нашу страну.

Вам уже рассказывали, как будет организован конкурс «Миссис Мира» в Штатах?

Можно сказать, нас к нему готовили. (Смеется) Конкурс «Миссис Россия» максимально приближен к тому, как это происходит на международном уровне. Честно говоря, это очень тяжело: тренировки и репетиции, которые заканчивались далеко за полночь, высокие требования и дисциплина.

Это будет моя вторая поездка в Америку. Когда я получала образование, ездила в Штаты на стажировку. Мы жили в кампусах и не смогли познакомиться с культурой, традициями и духом Америки. Надеюсь, что в этот раз такая возможность появится.

ТЕКСТ: МАРИЯ ВЕРИНА. ФОТО: АРХИВ КОНКУРСА «МИССИС РОССИЯ МИРА-2023»

Расскажите, как проходила подготовка к участию в «Миссис Россия» и сам конкурс?

Конкурс начался с подготовки, этот момент был очень серьезный. На первой организационной встрече мне сказали, что нужно сбросить шесть килограммов, чтобы соответствовать определенным параметрам. Для того, чтобы прийти в форму, я действовала комплексно: занималась спортом, поменяла план питания и со мной работали врачи из центра коррекции фигуры «Новое измерение».

Процесс конкурса был самым тяжелым из всех. В какой-то момент у меня даже возникла мысль, что я больше не могу и зачем мне все это нужно в тридцать восемь лет. Я просто хотела уйти. Но потом взяла себя в руки и пошла дальше.

Каждый день, в половину девятого, начинались первые репетиции, которые всегда проходили на каблучках. К этому времени мы

должны накрасться и сделать укладку. Всегда и везде нужно было носить ленту с названием региона, который представляешь. За нарушение правил конкурса могли дисквалифицировать. Почему так происходило? Мы постоянно были в окружении журналистов, фотографов, спонсоров и членов жюри. То есть всегда должны выглядеть на тысячу процентов.

В конкурсе участвовала разная возрастная категория: от 18 до 60. И нагрузка для всех одинаковая: никого не волновало – девушка ты или бабушка. Понятное дело, что на площадке находились врачи и если конкурсантке становилось плохо, они оказывали медицинскую помощь.

Между репетициями у нас были получасовой перерыв на обед и возможность перевести дух, подправить макияж. Тренировки проходили до двух, до половины третьего ночи. Так было каждый день. А иногда после репетиций и съемок мы отправлялись в ресторан. Нам давали час на сборы, чтобы поправить укладку, надеть вечерние платья и накрасться.

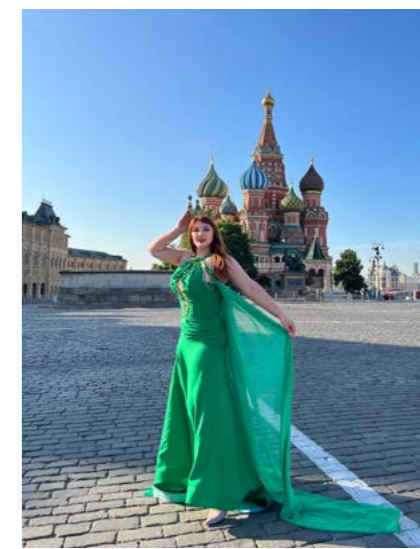
Вы сами подбирали себе образы на выход или их предоставляли?

На официальном сайте конкурса за день до финала было запущено голосование. Отдать свой голос за понравившуюся участницу

можно только один раз. Через свои социальные сети я просила поддержать меня. Почти тридцать тысяч человек сделали это. Так я получила титул «Народная Миссис России 2023». Этот конкурс дал новые эмоции и новые знакомства. Энергетику, которая царила на сцене, невозможно описать словами. Когда стоишь на сцене, называют твое имя и льются слезы от того, что все это было не зря, что усилия, которые были вложены, оправдались. Для победительниц конкурса была организована фотосессия на главной площади нашей страны. Съемка проходила в четыре утра. Но мы то уже привыкшие к ранним подъемам. (Смеется) Это было колоритно и сказочно.

Я снова убедилась в том, что нужно усердно работать, ничего не бояться и мечтать по-крупному!

Как выпускница Академии Штиглица **Аня Баркова** сначала стала дизайнером в почетных мировых брендах — парижском *Isabel Marant* и сиднейском *Zimmermann*, а потом вернулась в Петербург и придумала бренд пижам с пляжным уклоном

Any Wowzers.

Комплекты из поплина и шелка с принтами по мотивам Матисса, мечетей Касабланки и груди Даши Малыгиной носят Аглая Тарасова и Илона Столье, а мы влюбились в них за точно уловленный вайб петербургского лета, когда то ли день, то ли ночь, то ли спать, то ли загорать, и что это, как не общегородская пляжно-пижамная вечеринка на пару месяцев в году.

СТИЛЬ: ОЛЕГ УЛЬЯНОВ. ВИЗАЖ И ПОЛОСЫ: ОЛЯ ЗМЕЮГА. СВЕТ: МИХАИЛ ЧУДАКОВ SKYPOINT. ФОТО: АРХИВЫ-ПРЕСС-СЛУЖБ

Топ *Lucky charm* в принте *Saravan* и пижамные брюки *Weekend* в принте *Casablanca* **ANY WOWZERS**, вьетнамки **IRNBY**, цепочка и браслеты **EKATERINA TOLSTAYA JEWELRY**

Текст: ЮЛИЯ МАШНИЧ
Фото: НИКИТА ДРАГУНОВ

Шелковая пижама Weekend в принте Casablanca

все вместе соединилось: море, друзья, веселье и домашняя одежда. Это еще откуда-то из детства: мы жили на площади Тургенева, и у нас была однокомнатная квартира — такая царская, с камином, которая была постоянно переполнена народом. Я там сидела (в пижаме!) и пыталась учиться, а вокруг были тусовки, вечеринки, кто-то на гитаре играл. Мне очень важно, помимо качества и прикольного продукта, нести настроение.

А будет история, как все в детстве рисовали принцесс в фижмах и кринолинах, а ты — в оверсайз-пижамах?

Будет другая: я вообще никого не рисовала. Я училась в школе с углубленным изучением информатики, иврита и английского языка. Ездил на олимпиады по математике, обожала физику! Но что дальше делать с этим, не понимала. У меня была подруга — она как раз всегда знала, что будет поступать в «Муху». У нее семья творческая, архитекторы и художники. Я решила пойти с ней на подготовительные курсы, просто за компанию. И в итоге оказалась на кафедре текстиля, которая была очень сильной.

Там ты сделала свой первый робкий принт и больше уже не останавливалась?

Не совсем: я обожала живопись. Матисса я как раз тогда любила. Это, может быть, немного попсово. Но меня завораживали и цвет, и рука его, и кисть, наверное, тем, что у Матисса все настолько смело и свободно. Меня это очень заряжало. Не технически, а именно эмоционально было близко: в «Мухе» у меня тоже лучше всего получались быстрые зарисовки. Вот это первое ощущение, когда ты схватываешь суть эмоционально.

То есть ты художник крупного мазка?

Да, абсолютно верно. Притом что мне всегда хотелось достичь мастерства в длительных заданиях, но я как будто бы не понимала, когда надо остановиться. Начиналась не живопись, а какое-то самокопание. Принты, которые мы сейчас выпускаем, нарисованы за 5–10 минут. Я рисую и долгие, но эффективнее и выразительнее всего в итоге то, где чувствуются эмоции, где самые верные линии, потому что они не отмерены, не намечены карандашом, — они точные, потому что они на ощущении. Я это говорю сейчас, а у меня мурашки.

А ты, например, можешь посмотреть на принт и вспомнить ощущение?

Да. Это как запах.

Чем пахнет слон из новой коллекции?

Я думала про анималистику, про зверей, рисовала их, рисовала, а потом покрасила листочек в синий кобальт и отложила в сторону. Через неделю я его нашла и просто порвала. А потом сложила в слона. И оставила на столе, чтоб подумать,

и со временем это ощущение стало слонем в комнате, он как будто напитался смыслами, перекочевал в принт и определил тему коллекции. Или вот наш принт-бестселлер Sisi: мы бродили с подружкой по Эрмитажу, искали высокохудожественную грудь, чтоб оттолкнуться. А она говорит: это бессмысленно, потому что самая красивая грудь все равно у диджеев-супермодели Даши Малыгиной, с нее и срисовывай. Я примерно так и поступила, мы потом с удовольствием Дашу сняли в нашем кампейне.

Кобальт, Эрмитаж и Даша Малыгина — это тоже очень по-петербургски.

Согласна, да, и очень по-«мухински». Там обожают кобальт и охру.

Как человек с такой любовью к кобальту и «Мухе» вообще попал в Париж?

После «Мухи» было очевидно, что нужно учиться дальше. Я устроилась на стажировку в маленький экспериментальный бренд Steffie Christiaens, работала там по рекомендации Маши Белик, она стала моей подругой и важным кутюрье. А потом поступила одновременно в Central Saint Martins и в IFM (L'Institut Français de la Mode. — Прим. ред.). В IFM поступать было сложнее: тебе приходит конверт, его подсовывают под дверь, как в фильмах, и нужно под видео его вскрыть и тут же ответить на вопрос, который в нем запечатан. В IFM мне предложили хорошую стипендию, плюс я уже и так жила в Париже. При этом сейчас понимаю, что я не была готова к той учебе. У меня мозги были слишком русские в плане насмотренности, образованности. Заняло какое-то время, чтобы понять, чего от меня хотят. Если бы я поступила на год позже, я бы взяла от этого больше. Но в целом у меня всегда так получалось в жизни, что я влетала в последний вагон и потом уже на ходу разбиралась, что с этим делать.

Как ты оказалась в Isabel Marant?

Сначала я оказалась в Christopher Kane, у одного из самых талантливых дизайнеров Кристофера Кейна, который как раз сейчас вынужденно закрывается. А тогда я переехала в Лондон. И это была стажировка: я разгребала какие-то завалы, кучи прототипов. И я так талантливо убиралась, что мне решили платить. Так выяснилось, что по документам я вообще не имею права у них работать.

Просто приехала русская женщина и навела порядок в доме.

Так и было. Я вернулась в Париж и пришла на стажировку в Isabel Marant, позже меня взяли туда джуниором, потом дизайнером. И получилось так, что я осталась на пять лет. Для меня Isabel — это про комфорт и привлекательность за счет этого комфорта. Несмотря на то что у нее много всего в обтягон, ты в этом выглядишь расслабленно. Опять же, даже если на тебе будет куча вышивки, каких-нибудь заклепок и принтов, эти вещи как будто ни к чему не обязывают. Изабель все мейряет на себя, ей важно, чтобы она в этом себя комфортно чувствовала. Это про какую-то уверенность в себе, в своей одежде. Для меня это очень крутой пример бренда имени человека. **Монтажная склейка — и вот ты уже в Сиднее в каскаде воланов Zimmermann.**

Isabel Marant SS18

Isabel Marant SS19

Мне нравилась идея того, что где-то на краю света, в стороне от основного фэшна, люди просто делают красивые вещи с какими-то традиционными представлениями о девичьей красоте. Делают классно, и интересно было бы поработать и так же научиться. Еще ужасно хотелось пожить на океане. В Париже в Isabel Marant ты находишься в эпицентре фэшн-давления, это постоянная перенасыщенность модной энергетикой, она утомляет. И мне казалось, что у них вот этот совсем другой легкий подход какой-то, они в Австралии все счастливые, потому что там солнце, море, им особо ничего не надо, у них все и так отлично. В итоге все оказалось не так, как я себе представляла. Они постарались и воссоздали эту фэшн-атмосферу у себя в Австралии. При этом я чувствовала себя очень оторванной и от дома, и от Европы, и это оказалось важнее океана.

И все же что заставило человека из Isabel Marant и Zimmermann вдруг вернуться в Петербург и запустить свою пижамную марку?

Заставила частично пандемия: я была на финальном этапе интервью в Rag & Bone в Нью-Йорке, когда случился локдаун. Вернулась в Сидней, где все еще работала в Zimmermann, отсидела карантин и поняла, что хочу домой. Накопилась какая-то общая усталость

от работы, от переездов, от стресса. Я взяла билеты, а рейсы отменили. И только через три месяца меня эвакуировали в Россию.

Пару месяцев в Петербурге я приходила в себя и собиралась с мыслями. Потом начала на фрилансе делать дизайн для знакомой французской марки. Тогда же появилась идея собственного проекта — Any Wowzers. Я определила для себя пижаму как главную ценность и смысловую нагрузку бренда. И тогда же осознала, что будут принты. Появилась Олесья, мой партнер по бизнесу, и мы запустились с тремя принтами на двух моделях и формулировкой «Больше чем пижамы».

А теперь у вас corner в ДЛТ, узнаваемый дизайн и новая коллекция «Слон в комнате», где помимо пижам — шелковые платья, расписной деним и купальники.

Да, мы довольно запоминающиеся прежде всего из-за принтов. Но мне кажется, и силуэт у нас уже понятный. Мне нравится умеренный оверсайз, он выглядит секси. Это когда достаточно воздуха в одежде для того, чтобы не сковывать движений, чтобы ты себя чувствовала комфортно, но при этом привлекательно, и, наверное, привлекательно как раз за счет вот этой свободы.

Мы шьем из хлопка — поплина и батиста — и смеси шелка с хлопком, она струится, как шелк, но теплая на ощупь и очень уютная за счет хлопка в составе.

В коллекции новые принты — Casablanca и Caravan, — они про восточные ковры, орнаменты, специи. Я однажды была в командировке в Марокко на производстве Isabel Marant, и у меня до сих пор перед глазами стоит картинка — метель в Касабланке, небо за ней, солнце вот это потухающее оранжевое, дети разноцветные, прыгающие перед этой метелью в воду, вода какого-то нереально глубокого темного цвета — это было просто потрясающе красиво. И принт Casablanca об этом ощущении тоже. Еще есть принт Riviera — это и пляжные зонтики, и белье, сушащееся на итальянских улицах, хрустящее, теплое и как будто немного застиранных от тенков. И принт Leo — веселенький наивный анимализм.

Пришло время обсудить этимологию названия. Что значит Any Wowzers? Ану как Аня?

Да. A Wowzers — это такое сленговое слово, которое в нашей компании друзей вошло в обиход в Isabel Marant. Мы из него делали новые несуществующие слова вроде trowzers (это когда у кого-то получались супербрюки) или blowzers (это когда суперблузка). И еще Any Wowzers — это как будто это какое-то вымышленное имя и фамилия, Wowzers — это еще «чудаки» по-английски.

Ты чудак?

Думаю, да. Ты знаешь, раньше я думала, что я обычная такая, стандартный человек. Я была уверена в этом.

Да! У меня тоже было такое приятное ощущение, что многие люди совсем не в себе, а суперадекватна. Я по нему скучаю.

Чудаки повзрослели, да. И ходят везде в смешных пижамах.

Футболка со слонем и бикини в принте Leo

Откуда взялись пляжные пижамы? У меня есть ощущение точнейшего попадания в петербургское лето — прозрачное море и пару месяцев в году круглосуточный загар вместо сна. Но куда в них ходить и что делать — спать на пляже?

Я все детство проходила в пижамах: везде и постоянно. И сейчас снова хожу. Когда я училась в «Мухе» (экс-Мухинское училище, теперь Академия Штиглица. — Прим. ред.), я дома рисовала в пижамах, вытирала о них кисточки, у меня была свалка этих пижам. И в какой-то момент, зимой, мы с друзьями были в Турции, и был какой-то дождливый день, мы все сидели дома в пижамах.

А где-то рядом было море.

Да, было море. И я вдруг поняла, что это для меня какая-то очень родная история, но не просто потому что пижамы, а как-то

АРКАДИЙ СТОЛПНЕР

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВЛЕНИЯ МИБС СДЕЛАЛ ДИАГНОСТИЧЕСКУЮ СЕТЬ ОДНОЙ ИЗ КРУПНЕЙШИХ В СТРАНЕ: ОНА РАБОТАЕТ В 60 ГОРОДАХ ПО ВСЕЙ РОССИИ И КАЖДЫЙ ГОД ВЫПОЛНЯЕТ 1,5 МИЛЛИОНА МРТ И КТ-ИССЛЕДОВАНИЙ. В 2022-М В КЛИНИКЕ МИБС ВПЕРВЫЕ ПРОВЕЛИ ОПЕРАЦИИ ПО УДАЛЕНИЮ НОВООБРАЗОВАНИЙ ГОЛОВНОГО МОЗГА – ОДНИ ИЗ САМЫХ СЛОЖНЫХ В ДЕТСКОЙ НЕЙРОХИРУРГИИ. КРОМЕ ТОГО, В ПЕТЕРБУРГЕ АРКАДИЙ СОЗДАЛ ПЕРВЫЙ В СТРАНЕ ЦЕНТР ПРОТОННОЙ ЛУЧЕВОЙ ТЕРАПИИ (УНИКАЛЬНЫЙ ЩАДЯЩИЙ ТИП ЛЕЧЕНИЯ ПОЗВОЛЯЕТ БОРОТЬСЯ С ОПУХОЛЯМИ, ОКАЗЫВАЯ МИНИМАЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА СОСЕДНИЕ ОРГАНЫ!) – ЗА ПЯТЬ С ПОЛОВИНОЙ ЛЕТ ЗДЕСЬ ОКАЗАЛИ ПОМОЩЬ БОЛЕЕ ЧЕМ 3 000 ПАЦИЕНТОВ. А СЕЙЧАС ПО СОСЕДСТВУ С ЦЕНТРОМ КОМАНДА СТОЛПНЕРА СТРОИТ НОВЫЙ ОНКОЛОГИЧЕСКИЙ КОРПУС НА 12 ЭТАЖЕЙ.

Аркадий сфотографирован в Центре протонной терапии МИБС у системы ProBeam. Установка (она занимает 5,5 тысяч кв. м – это три этажа!), первая в России и одна из двух существующих на данный момент в стране, быстро и эффективно облучает опухоли самой сложной конфигурации и расположения, не оказывая негативного влияния на соседние здоровые ткани.

Аркадий, мы знаем, что у вас есть важный инфоповод для «ТОП 50»!

Наш инфоповод хорошо виден за окном – целых 30 тысяч квадратных метров будущего нового онкологического корпуса рядом с Центром протонной терапии на Глухарской улице. «Бетонный» этап уже практически закончен, начинаются работы, связанные с инженерными коммуникациями, а далее – отделка и оснащение нового корпуса. Здесь будет стационар на двести мест, новые технологии и те, что уже обкатаны нами. В общем, расширяемся и идем в ногу со временем.

Как вы решились на такую мегастройку в наше тревожное время?

Во-первых, мы следуем своему стратегическому плану развития и стараемся не обращать внимания на внешние факторы. Во-вторых, просто переросли свой онкоцентр в Дибунах – в нем стало тесно и пациентам, и врачам, и технике. В-третьих, от нашей Онкологической клиники до Протонного центра более

двадцати километров, а ежедневная транспортировка пациентов создает трудности в клиническом процессе. В-четвертых, Минздрав выпустил новый Порядок оказания медпомощи по онкологии, согласно которому все технологии необходимо собрать под одной крышей. Так что мы одновременно следуем и указаниям министерства, и здравому смыслу, и, главное, своим планам – ведь еще при проектировании Центра протонной терапии в 2012 году мы понимали, что будем строить дополнительный корпус.

Все шло гладко?

Наоборот, был тяжелейший «ноль» – нулевой цикл возведения здания. Мы даже отстали от графика из-за того, что в котловане «нашелся» камень весом под 100 тонн. Мы его выкопали и перенесли к пруду, расположенному перед новым корпусом. Когда закончим строительство, повесим на камень памятную табличку. Пусть эта глыба олицетворяет нашу фундаментальность и стойкость.

Есть еще одна важная новость:

в МИБС провели первые сверхсложные нейрохирургические операции на педиатрическом отделении.

Да, врачи МИБС провели несколько операций по удалению опухолей головного мозга у детей. Мы хотели замкнуть цикл лечения в нашем Институте, чтобы полностью курировать пациента и быть ответственными за каждый шаг – от обследования и постановки диагноза до всех других этапов лечения: хирургии, лекарственной терапии и, конечно, лучевой терапии.

Собираетесь захантить кого-то из светил в ближайшее время?

Вряд ли. Это совсем не наш путь. Лучше будем у них учиться, как мы это всегда делали. С врачами других специальностей это отлично сработало. Медицинских физиков растим сами на одноименной кафедре Политеха. А в лучевой терапии мы уже подготовили экспертов мирового уровня. Например, наш радиохirurg Павел Иванов, ученик марсельского профессора, «бога радиологии» Жана Режиса, сегодня имеет громадный стаж по лечению на гамма-ноже (радиохirurgическая установка для неинвазивного лечения доброкачественных и злокачественных опухолей и других патологий в полости черепа. — Прим. ред.). Более 20 тысяч пациентов – это, наверное, самый большой опыт в мире. А команда Центра протонной терапии накопила уникальную, наверное, тоже самую большую в мире практику лечения детей на протонах: более 1 300 человек за первые пять лет работы.

СБЕТ: ФЕДОР ДУЛЕНКО SKYPOINT

Пять-десять операций в день у одного радиохирурга? Как это вообще возможно?

Так мы же уже много лет самый активно оперирующий на гамма-ноже центр в мире. Разветвленная сеть диагностических точек — около 80 по стране — позволяет врачам МИБС уже на этапе первичного обследования увидеть будущих пациентов и отобрать тех, кому показано именно радиохирургическое лечение. Главное — качественно провести отбор, взять только тех, кому это необходимо и будет во благо, а не во вред. И конечно, мы берем ровно столько пациентов, сколько можем, с учетом загруженности оборудования и человеческого ресурса — высококвалифицированного персонала. Так что озвученная цифра реальна и обоснована.

Качественная медицинская помощь в радиохирургии нереальна без передового оборудования?

Конечно, и оно у нас в наличии. Полным набором инструментов: гамма-нож, кибернож, TrueBeam и протонный ускоритель ProBeam — больше в стране никто не располагает. Да и за границей такой линейкой могут похвастаться лишь единичные медицинские центры. Например MD Anderson Cancer Center, но это такой медицинский онкологический «город», лучший онкологический центр в США на протяжении многих лет. И даже у них нет возможности полноценно наблюдать пациента много лет после лечения. А у МИБС есть. Были ли осложнения, насколько успешной оказалась терапия — мы это видим, когда человек приходит на плановую МРТ после лечения в наш диагностический центр в одном из 63 городов России. Везде установлена однотипная техника, везде соблюдается один и тот же протокол, каждое исследование моментально попадает в Петербург. Наличие обратной связи превращает МИБС в уникальную систему. Ну и, конечно, готовая богатейшая база клинических случаев — подспорье для научных работ. Наши врачи ведут активную научную деятельность, публикуются в российских и самых авторитетных западных научных журналах, даже в таком издании, как The Lancet, есть наша статья.

То есть научная жизнь продолжается?

По-другому быть и не должно. Только что вернулись с ESTRO — Европейского общества радиологов-онкологов, где у нас было два доклада. К сожалению, всего два доклада из России на этом большом конгрессе. Понимаю: проблемы с выездом, проблемы с визами, но доктора не должны быть отрезанными от мировой науки. Обмен информацией — это основа медицинского опыта. Скоро отправимся в Испанию на конференцию по протонной терапии. Забавно, что пять лет назад, когда проходил конкурс на место проведения 61-й конференции РТСОГ, мы как раз конкурировали с Мадридом за это мероприятие. Но проиграли.

А как до МИБС добирается новая техника?

Труднее, медленнее и дороже. Роль играет не только резко усложнившаяся логистика,

но и человеческий — или бюрократический — фактор. Поставщики из других стран опасаются вторичных санкций (хотя на медицинские товары они не распространяются) и живут по принципу «если можно чего-то не делать, то давайте, ради бога, не делать».

Однако, невзирая на трудности, мы постоянно обновляем наше оборудование, привозя в страну лучшие образцы медицинской техники. Например, сейчас мы меняем наш позитронно-эмиссионный томограф Siemens на новый, обновляем парк томографов МРТ, КТ и другого оборудования. Недавно в Протонном центре установили магнитно-резонансный томограф Siemens Magnetom Vida 3 Tesla в комплектации, какой в России пока не было. Наши пациенты получают лучшую диагностику и лечение, что без современной техники было бы невозможно.

РАЗВОД, ПЕРЕЕЗД И ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА БЫВАЮТ НА ПОЛЬЗУ

Огромное количество сделанных урожанами в пандемию КТ создало вам финансовую подушку безопасности или, скорее, проверило систему на прочность?

Я бы сказал, что второе. Когда пандемия начала разворачиваться в полную силу, мы предложили Комитету по здравоохранению организовать медицинскую сортировку. Если помните, основная трудность заключалась в том, что людей с симптомами разной тяжести было в разы больше обычного, ресурсов медицинских госучреждений не хватало на всех. Мы открыли два пункта, которые на пике принимали более 400 скорых в сутки. Посадили за описание КТ врачей, которые обычно работали на МРТ, — в самый разгар пандемии они выдавали заключения каждые 3 минуты. Естественно, все пациенты получали диагностику за счет ОМС. Легких пациентов отправляли домой, а тяжелых везли на госпитализацию. Такой алгоритм помог Петербургу сохранить для тяжелых пациентов более 20 000 коек.

Страшно спрашивать, и все же: как вы думаете, грозит ли нам еще один вирусный коллапс в обозримом будущем?

Если повезет, давайте обсудим это примерно в 2117-м! Думаю, большое количество инфекционных коек городу резервировать однозначно не нужно. Как человечество забыло про «испанку»,

так на какое-то время забудет и про ковид. И держать места в больницах на случай новой эпидемии смысла нет — иначе адекватного стационарного лечения будут лишены люди, которым оно необходимо прямо сейчас. А чтобы избежать очередного коллапса, нам нужно учиться оперативно реагировать на такие вызовы, как ковид, быть гибкими, уметь быстро переориентироваться.

Слышали, что МИБС расширяется, открывая отделения в соседних странах.

Это правда: мы купили участок земли в Ереване на Тбилиском шоссе, будем строить там лечебный онкологический центр (диагностический работает там уже много лет). Также я присматриваюсь к Узбекистану и Таджикистану, активно исследую Африку. С высокой долей вероятности сможете увидеть нас в следующем году в Кении.

Интересно, почему, к примеру, не Нигерия? Она вчетверо больше по населению!

Нигерия нас не привлекает, слишком много подводных камней.

На самом деле, мы ездили на разведку в несколько африканских стран, но лишь в Кении врачи проявляли на встрече заинтересованность и задавали много вопросов, причем правильных и нужных. Медицинские специалисты там очевидно более подготовленные, а это для сотрудничества может оказаться решающим.

Крутой поворот, ведь раньше вы тоже часто ездили в Африку — ради фотоохоты.

Ну, я в основном работал носильщиком оборудования, а снимала дикую природу моя жена Наталья (Наталья Березина, управляющий партнер и главный врач МИБС. — Прим. ред.). Хотя тащить в среднегорье без адаптации двадцать килограммов техники, чтобы сфотографировать горных горилл, — тоже, скажу вам, задача. Путешествий сегодня стало меньше, путешествовать сложнее, поэтому теперь я стараюсь склеивать в одну поездку максимум дел в разных странах.

Получается, ждем новой фотовыставки в вестибюле Протонного центра?

Да, и в строящемся корпусе тоже будет много места, так что однозначно понадобятся новые фотографии.

В вашем центре живет пара маленьких обезьян — красноруких тамаринов. В новом корпусе тоже удивите какой-то экзотикой?

Не думаю. Дело в том, что Протон и Нейтрино — любимцы наших маленьких пациентов — родились прямо здесь, в Протонном центре. Их маму и папу звали Ума и Квентин. Но четырех обезьян нам показалось многовато, поэтому старшее поколение было отдано под опеку Ленинградского зоопарка. Игрушки там какое-то время чахли, пока зрители не догадались дать каждому нового партнера. В новых парах жизнь быстро наладилась, и даже у одной пары родились детеныши. Так что развод, переезд и трудные времена бывают на пользу! Так и запишите.

